

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ И СССР

Сто пятьдесят лет назад знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов, бывший еще и крупным организатором науки своего времени, заметил, что "... все переходы, повороты и катастрофы общества всегда отражаются на науке". История добровольных научных обществ и объединений отечественных астрономов, которую мы собираемся кратко изложить, может служить одной из многочисленных иллюстраций справедливости этих провидческих слов.

К середине 19-го столетия во всех наиболее культурных странах тогдашнего мира резко возрос общественный интерес к науке и технике. Это было закономерным развитием тенденций, сформированных эпохой европейского Просвещения, порожденной, в свою очередь, развитием капиталистических отношений, постепенно вытеснявших феодальные. Научные общества того времени играли, по преимуществу, роль просветительских организаций – демократических и внесловных, стремящихся распространять научные знания за пределами узких профессиональных корпораций ученых.

Первое добровольное научное общество в России – "Вольное экономическое общество" – возникло в 1765 году, в эпоху либеральных увлечений Екатерины II. Вторым, кстати сказать, дожившим до наших дней, стало "Московское общество испытателей природы", образовавшееся в 1805 году при Московском университете, в короткий либеральный период царствования Александра I. Читателя, знающего отечественную историю, не удивит, что на протяжении всей первой половины 19-го столетия в России не появилось новых научных обществ. Они стали возникать только в царствование Александра II, и в особенности – после появления либерального университетского устава 1863 г., разрешавшего создание при университетах добровольных научных обществ с целью "усовершенствования совокупными усилиями какою-нибудь определенной отраслью науки".

Форма добровольного научного общества, демократическая и обставленная минимальной официальной поддержкой, как нельзя лучше отвечала интересам и умонастроениям образованных граждан тогдашней России. Общества восполняли недостаточную тогда доступность научных знаний для широкой публики, в особенности женщин. Если в 1861 году в России насчитывалось только 36 научных обществ, то к 1908-му году их стало примерно 350 с полным числом членом около 25000. И это – несмотря на, мягко выражаясь, скептическое отношение властей в лице Министерства народного просвещения, "приглядывавшего" за научными обществами. Кажущая малочисленность их членом не должна удивлять читателя: даже к 1917-му году во всей 150-миллионной Российской Империи насчитывалось всего лишь около 11 тысяч профессиональных ученых, вкуче с преподавателями высших учебных заведений.

Научные и научно-технические общества были многочисленны и популярны в те времена не только в России, в передовых странах мира эта традиция сохраняется и в наши дни. Тогда же, на стыке столетий, такие общества сделались еще и формой самоорганизации быстро разраставшихся сообществ профессиональных ученых и зачатками позднейших научно-координационных органов.

Мы знаем, что интерес к астрономии является, наверное, одним из самых устойчивых, протянувшихся через века и тысячелетия, познавательных устремлений человеческой натуры. Конечно же, и наши соотечественники не представляют в этом отношении исключения. С этой точки зрения вызывает даже некоторое удивление запоздалое появление в России общественных организаций астрономического профиля. Вообще-то астрономическая и геодезическая проблематика фигурировала в деятельности различных естественнонаучных и даже медицинских обществ, включая

знаменитое Русское географическое общество. Но специального астрономического общества долго не возникало. Причиной, вероятно, было отсутствие действенного организующего начала со стороны профессиональных астрономов.

Первый, отмеченный в отечественной истории гласный призыв к созданию русского астрономического общества, прозвучал в 1879 году со стороны знаменитого казанского астронома М.А. Ковальского, а первым деятелем, взявшимся решить эту задачу, стал выдающийся популяризатор астрономии, профессор Петербургского университета Сергей Павлович Глазенап (1848-1937). Его почти десятилетние хлопоты увенчались успехом 31 октября 1890 г., когда устав Русского астрономического общества (РАО) был утвержден тогдашним министром народного просвещения графом И.Д. Деляновым. Первый съезд нового общества, в составе 30 учредителей, состоялся 10 декабря 1890 года в помещении Русского географического общества, на заседании его секции математической географии. Председателем общества был избран Ф.А. Бредихин, при заместителе СП. Глазенапе. К 1894-му году в обществе было 184 действительных члена, при одном освобожденном работнике.

За два года до этого события, в 1888 году, в Нижнем Новгороде возник по инициативе местной интеллигенции Нижегородский кружок любителей физики и астрономии. Хотя, казалось бы, провинциальный и отделенный от крупных астрономических центров, Нижегородский кружок снискал всеобщее признание и уважение своей длительной успешной деятельностью. Его традиции сохранились и до дней нынешних.

Стоит упомянуть, что становление Русского астрономического общества проходило не без конфликтов. Его созданию препятствовали такие влиятельные тогда пулковские астрономы как О.В. Струве и А.Н. Савич (в молодости - член герценовского кружка, с возрастом изменивший, как это нередко бывает, либеральным взглядам). Их возражения мотивировались существованием германского астрономического общества *Astronomische Gesellschaft*, охотно принимавшим в свои ряды и иностранных ученых. Создание русского астрономического общества объявлялось по этой причине излишним, тем более, что намечался съезд *Astronomische Gesellschaft* непосредственно на Пулковской обсерватории. Этот съезд, в конце концов назначенный на 1914-й год, так и не состоялся из-за начала I Мировой войны, после чего, в 1915 г., сами пулковские астрономы заговорили о необходимости создания в России профессионального астрономического общества.

Это изначальное различие взглядов осложнило деятельность РАО, в котором сразу же начались дебаты по поводу отказа от якобы излишней и обременительной популяризации астрономии и работы с астрономами-любителями. Конфликтная обстановка вскоре побудила Ф.А. Бредихина к добровольной отставке, и на посту председателя Общества его заменил СП. Глазенап. В дальнейшем, вплоть до прекращения существования РАО в 1932 г., в его деятельности побеждал то просветительский, то профессиональный уклон. Тем не менее, Русское астрономическое общество сыграло несомненную историческую роль в качестве первой широкой общественной организации российских астрономов, объединившей как профессионалов, так и любителей. С 1892 г. Общество приступило к изданию "Известий РАО" - первого специального астрономического журнала в России. С 1909 года к "Известиям" добавился "Ежегодник" – прообраз не только сегодняшнего "Астрономического календаря", но и профессиональных астрономических ежегодников, выпуск которых начался уже после Великой Октябрьской Революции.

Революционные события 1905 г. встряхнули и демократизировали российскую жизнь, вызвав всплеск общественной активности, которой уже не решались жестко противостоять власти. Закономерным образом эти изменения отозвались в научной и околонуучной жизни. В период между 1904 и 1917 гг. в России возникли уже многочисленные самостоятельные объединения астрономов-любителей и

просветительские организации. Открылись общедоступные обсерватории в Петербурге ("Российская Урания") и в Москве (при объединении детских народных клубов "Сеттльмент", организованном известным педагогом СТ. Шацким). Астрономические кружки появлялись при университетах и иных учебных заведениях. К Нижегородскому кружку любителей физики и астрономии добавились в ту пору городские астрономические кружки в Полтаве, Новочеркасске, Тифлисе, Уфе, Витебске, Ростове, Твери. В Москве городской астрономический кружок действовал с 1909 г. под руководством крупного чиновника, попечителя Московского учебного округа, профессора астрономии и геодезии А.М. Жданова. В 1912 году он преобразовался в Московское общество любителей астрономии; кстати сказать, одним из первых действий общества было издание звездных атласов А.А. Михайлова.

Особой дани от историков заслуживает Русское общество любителей мироведения (РОЛМ), основанное в Петербурге в 1909 г. усилиями легендарного революционера-народника и шлиссельбургского узника, ученого-энциклопедиста и просветителя Николая Александровича Морозова (1854-1946).

Это общество объединило активных любителей астрономии – в том числе наблюдателей переменных звезд, планет, комет и метеоров - уже во всероссийском масштабе, развернув сеть периферийных отделений, некоторые из которых позднее дали начало профессиональным астрономическим учреждениям. С РОЛМ, еще до 1917 г., сотрудничали многие известные советские астрономы старшего поколения (Г.А. Тихов, Н.П. Барабашев, А.В. Марков, М.А. Вильев и другие), основоположники отечественного телескопостроения А.А. Чикин и С.В. Муратов, знаменитый популяризатор науки Я.И. Перельман (1882-1942), погибший в блокадном Ленинграде. Наверное, характерно, что именно РОЛМ впервые предоставило общественную трибуну идеям К.Э. Циолковского, и наверное не случайно, что из числа его активистов вышли и знаменитый исследователь Тунгусского метеорита Л.А. Кулик, и прославленный конструктор реактивных двигателей В.П. Глушко. С РОЛМ был связан в молодости и наш знаменитый писатель-фантаст И. Ефремов.

С 1912 г. стали выходить "Известия Русского общества любителей мироведения" (впоследствии просто "Мироведение"), вскоре превратившиеся в почти что чисто астрономический журнал профессионального уровня. Позднее, уже в советские годы, Общество получило в свое распоряжение солидную по тем временам обсерваторию, построенную в 1920 г. для Естественнонаучного института имени П.Ф. Лесгафта (г. Ленинград), директором которого стал Н.А. Морозов. Не будет преувеличением сказать, что занятия на этой обсерватории приобщили к исследовательской науке по сути дела всех видных астрономов первого советского поколения, учившихся в Ленинграде, в том числе Н.А. Козырева, В.А. Амбарцумяна, В.П. Цесевича, Е.Л. Кринова. В одной из своих публикаций в "Астрономическом календаре" автор этих строк описал свое собственное знакомство с бывшей обсерваторией РОЛМ - уже в позднейшую, послевоенную эпоху, незадолго до ее исчезновения. Само РОЛМ прекратило свою деятельность в 1930 г., но основанный им журнал "Мироведение" продолжал выходить до второй половины 1930-х гг.

Как известно, конец 19-го - начало 20-го столетий ознаменовались бурным развитием науки и техники. В передовых странах возрастало число ученых, расширялся фронт исследований, развивались международные научные связи. Начало возрастать государственное финансирование национальных наук. Все это поставило в повестку дня совершенно новую тогда проблему согласования исследовательских усилий, их "координацию" в национальных и международном масштабах. Добровольные научные общества, во множестве существовавшие уже почти повсеместно, представлялись естественным инструментом такой координации.

Первая мировая война на время притушила международные связи ученых и осложнила развитие национальных наук, придав еще большую насущность

координации исследований в масштабах отдельных государств. Вероятно, что осознание именно этой потребности и побудило пулковских астрономов выдвинуть упомянутое нами ранее предложение о создании в России чисто профессионального астрономического общества.

Почти сразу же после Февральской революции, в апреле 1917 г., в Петрограде был созван Первый всероссийский съезд астрономов – действительно первый в истории отечественной астрономии. На съезд прибыло 64 делегата от астрономических учреждений; его председателем был избран московский профессор П.К. Штернберг. Целью съезда было учреждение Всероссийского астрономического союза (ВАС), как органа профессиональной научной общественности. Второй съезд ВАС состоялся в Петрограде в августе 1920 г. под председательством А.А. Михайлова. На съезде слушали отчеты обсерваторий и говорили, в том числе, о новой астрофизической обсерватории, о восстановлении международных связей, о необходимости организовать наблюдения южного неба. Примерно такой же облик имел и третий съезд ВАС, состоявшийся в Москве в сентябре 1924 г. под председательством харьковского профессора Н.Н. Евдокимова. В связи с образованием СССР и введением нового порядка учреждения добровольных общественных организаций, третий съезд преобразовал Всероссийский астрономический союз в Ассоциацию астрономов СССР, но не успел утвердить устав новой организации.

По формальным юридическим причинам (отсутствие республиканских ассоциаций астрономов), вместо замышленной на съезде Ассоциации астрономов СССР возникла Ассоциация астрономов РСФСР, устав которой был утвержден Наркомпросом РСФСР в феврале 1927 г. Соответственно, четвертый по очередности астрономический съезд стал учредительным съездом именно этой организации. Он состоялся в Ленинграде в декабре 1928 г. и собрал рекордное число участников - 220 делегатов и гостей от астрономических учреждений всего СССР.

В контексте нашего повествования, четвертый астрономический съезд был знаменателен еще и тем, что астрономы-профессионалы, впервые за многие годы, вспомнили о существовании Российского астрономического общества и Российского общества любителей мироведения, выразив намерение расширять и углублять контакты с любителями астрономии. К сожалению, эти благие намерения остались без последствий: никаких дальнейших действий Ассоциация астрономов РСФСР не совершила и вскоре незаметно прекратила свое существование.

Это не было случайностью или следствием нерадивости. Надвигался очередной крутой перелом отечественной истории. Об этом переломе, произошедшем на стыке 1920-х и 1930-х гг., многое было сказано и написано - как справедливого, так и такого, что трудно назвать иначе как фальсификацией истории. Последнее побуждает автора ненадолго отвлечься от основной темы в попытке "без гнева и пристрастия" разобраться в происходившем.

Сейчас редко вспоминают о том, что "Новая экономическая политика", введенная в СССР в начале 1920-х гг., имела еще и крупную стратегическую цель. Молодой стране требовалось не только восстановить разрушенное за годы Мировой и Гражданской войн, но и радикально повысить свой промышленный потенциал. Будучи огромной страной, дореволюционная Россия действительно давала около 1/5 мирового производства, но в техническом отношении была отсталой, несамостоятельной страной, с выражено сырьевой структурой экспорта. Конкретные примеры, подтверждающие это утверждение, читатель без труда отыщет самостоятельно. Страна находилась под огромным внешнеполитическим давлением, и вопрос о будущем утвердившегося в ней общественного строя выглядел по этой причине совершенно неопределенным. Вырисовывалась дилемма: либо СССР быстро нарастит высокотехнологичный промышленный потенциал, либо его сомянут многочисленные недруги.

Для промышленной революции нужны были огромные средства, которых не было и у дореволюционной России. Надеяться, следовательно, можно было только на приток капиталов извне, на зарубежные инвестиции, как сказали бы сейчас, рассчитывая на "политическую беспринципность" крупного капитала перед перспективой извлечения больших прибылей. Новая экономическая политика и создавала, казалось бы, условия для привлечения зарубежных капиталов в страну со смешанной экономикой, с поощряемыми властью корпоративным и частнопредпринимательскими хозяйственными секторами. Надежды, однако, не оправдались инвестиции "не пошли", что сделалось окончательно ясным к 1926-27 гг. Экономика СССР и его производственная база развивались недопустимо медленно.

Вот в каких условиях и по какой причине в 1927-28 гг. состоялось вынужденное решение о крутом изменении экономического курса СССР в направлении "индустриализации с опорой на собственные силы". Отсюда – и неистовая политическая борьба в высшем руководстве, и неизбежно жестокая сельскохозяйственная политика, и централизация управления народным хозяйством с переходом на жесткое планирование. Остается добавить завершающий штрих: немецкий фашизм порожденный экономическими последствиями Мировой войны, уже существовал, как и его военно-политическая доктрина, последовательная реализация которой началась всего лишь пять лет спустя...

Десятилетие 1917-1927 гг. знаменательно беспрецедентным в отечественной истории ростом научной активности, энергично поддерживавшейся государством и обществом. Именно в те годы, в соответствии с исторической традицией всем прогрессивных общественных движений Европы, в советской России и СССР сформировалось сугубо поощрительное отношение к любому научному знанию, как к неременному залогу экономического, культурного и социального благополучия советской страны. К 1930-му году общая численность научно-технических специалистов выросла у нас более чем в три раза по сравнению с предреволюционной эпохой - до 42 тыс. человек; к 1940-му году их было уже 98 тысяч. Количество самостоятельных научных и научно-педагогических учреждений возросло в 4 раза к 1930-му году и в 15 раз к 1940-му году, достигнув 2364. Такой системой, целиком содержащейся за счет государственных ресурсов, необходимо было как-то управлять в общенародных интересах. Подобного опыта, однако, в тогдашнем мире просто не было как, соответственно, и готовых рецептов. Приходилось экспериментировать, да еще в мобилизационной обстановке, перед лицом неотвратимо надвигающейся большой войны.

Очевидной первоочередной задачей представлялось повышение эффективности и практической отдачи научных исследований. Научных и технических кадров не хватало: их не успевала готовить высшая школа, хотя и расширявшаяся в 1930-е годы ударными темпами. Актуальными лозунгами эпохи стали "приближение науки к практике социалистического строительства", плановость, координация и развитие коллективного начала в научно-исследовательской деятельности, вовлечение в нее и в освоение передовой техники всех, способных приносить пользу, т.е. "широких масс трудящихся".

В 1930-е годы складывалась отраслевая структура народного хозяйства СССР, с характерными для нее ведомственной разобщенностью и неизбежным ростом бюрократии. В добровольных научных и научно-технических обществах – надведомственных и демократических "по определению", видели тогда еще и средство борьбы с этими, предвидимо неблагоприятными явлениями. Забегая вперед, скажем, что ведомственность и отраслевая бюрократия со временем все же победили, так или иначе подмяв и приручив большинство добровольных обществ...

Эта по необходимости схематизированная историческая панорама должна помочь читателю разобраться в дальнейших перипетиях уже наших, астрономических

дел.

Новая роль научно-технических обществ была провозглашена в совместном постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров РСФСР от 1932 г.; тогда же были обнародованы новый типовой устав и порядок организации научно-технических обществ. В преддверии этих новшеств, осенью 1930 г. в Наркомпросе РСФСР, ведавшем тогда большинством учреждений исследовательской науки и высшей школы, состоялось совещание руководителей астрономических учреждений и представителей профессиональной и любительской общественности. Темой совещания была активизация и увеличение народнохозяйственной отдачи работы астрономических учреждений, а также обсуждение реорганизации астрономических общественных объединений. Есть основания предполагать, что на этом совещании от имени Ассоциации астрономов РСФСР было высказано предложение организовать в республике единое астрономическое общество профессионалов и любителей с отделениями в областях. Предложение было поддержано, и Ассоциации поручили заняться разработкой устава такого общества.

Несколько позднее, в 1931 году, при Наркомпросе РСФСР было образовано специальное "Организационное бюро" Ассоциации во главе с ответственным сотрудником Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР В.И. Тер-Оганезовым (1880-1962) - астрономом по специальности. В ходе работы Организационного бюро, геофизик Н.В. Линницкий предложил объединить в новом обществе астрономов и геодезистов. Надо сказать, что Организационное бюро сразу же проявило чрезвычайную активность, неоднократно выступало в широкой печати и явно претендовало на роль главной организующей силы, призванной незамедлительно и вполне поставить астрономию и геодезию на службу социалистическому строительству.

Эти несколько лет в начале 1930-х гг. были, вообще говоря, очень беспокойным периодом в истории советской науки. Подобно тому, как это происходило в ту же эпоху и во многих других странах, "чистые" ученые болезненно отнеслись к намерению государства как-то управлять научной деятельностью - стремлению по сути своей оправданному как непрерывно возрастающим значением науки, так и повсеместным ростом государственных затрат на нее. В отечественной науке это противостояние ученых и государства приобрело форму дискуссии о планировании научных исследований. Роль главного оппонента государственной власти досталась тогда Академии наук СССР.

Общественная атмосфера была к тому времени накалена "Шахтинским делом" (1928 г.) и "процессом Промпартии" (1930 г.), поставившими вопрос о доверии к "спецам" старой школы. Дискуссия о планировании научных исследований приобрела поэтому идеологическую окраску и проходила на очень высоких уровнях. Она не приобрела репрессивного характера, но несомненно сказалась на позднейшей истории советской науки и на судьбах некоторых ее деятелей.

Возможно, что именно под этим углом зрения надо рассматривать как непонятно затянувшийся процесс становления нового астрономо-геодезического общества, так и неожиданное, по отсутствию заметной подготовительной работы, появление в 1931 году в структуре Наркомпроса РСФСР "Астрономического комитета". Этот, сугубо профессиональный орган, возглавлявшийся авторитетнейшим тогда астрономом Борисом Васильевичем Нумеровым, состоял из 18 членов, в число которых входили руководители астрономических учреждений РСФСР, представители ведомств и несколько видных астрономов. Комитет имел полномочия планировать и координировать астрономические исследования в масштабах Российской Федерации и просуществовал до 1938 года, до образования аналогичного органа уже со всесоюзным

статусом в структуре Академии наук СССР. Трудно избавиться от впечатления, что Астрономический комитет сумел, так сказать, перехватить функции, на которые претендовало Организационное бюро астрономо-геодезического общества, затруднив тем самым его создание.

Мы не будем перечислять разнообразных совещаний, обсуждавших на протяжении 1931-32 гг. проблему организации и будущего облика замышленного объединения геодезистов и астрономов. Достаточно сказать, что в них принимали участие Наркомпрос РСФСР, ВЦИК, ЦК ВКП(б), ЦИК СССР. Только 1 августа 1932 г. Президиум ВЦИК утвердил устав астрономо-геодезического общества, как всесоюзной, а не республиканской, широкой общественной организации под эгидой ЦИК СССР (двумя годами раньше в то же подчинение поступила и Академия наук СССР). Основные положения утвержденного тогда устава Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ВАГО) сохранялись при последующих корректировках этого документа на протяжении всей истории Общества. Они определяли его как добровольное, с центром в г. Москве, объединение профессиональных астрономов и геодезистов, как и всех граждан СССР, интересующихся этими науками и стремящихся содействовать их развитию.

Для созыва I Всесоюзного астрономо-геодезического съезда, призванного стать учредительным съездом ВАГО, был создан организационный комитет под председательством В.Т. Тер-Оганезова, при ученом секретаре Р.В. Куницком. Съезд удалось созвать только в 1934 г. в Москве вместо предполагавшейся первоначально Одессы. На нем присутствовало 210 делегатов, представлявших различные профессиональные и общественные организации астрономов и геодезистов в масштабе всего СССР. Съезд открылся 17 января 1934 года выступлением известного партийного и государственного деятеля Н.В. Крыленко. Он проработал 5 дней, в течение которых было заслушано более 100 пленарных и секционных докладов, принято обращение "К трудящимся и научным работникам Советского Союза" и выбрано Правление в составе 23 человек. Председателем ВАГО был избран профессор А.А. Михайлов, его заместителями - В.Т. Тер-Оганезов и А.С. Чеботарев, ученым секретарем - Р.В. Куницкий.

Создание ВАГО прекратило деятельность вошедшего в него Русского астрономического общества. Новое общество вобрало в себя, на правах своих отделений, многие из действовавших астрономических кружков, в том числе прежние филиалы РОЛМ. Образовывались и новые отделения, включая республиканские. Их формирование продолжалось до 1941 г., когда число отделений ВАГО достигло 18.

В апреле 1938 г. ЦИК СССР был преобразован в Верховный Совет СССР и был реформирован его аппарат. В результате, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество оказалось в системе Академии наук СССР - в ее Отделении математических и естественных наук. К тому времени АН СССР была превращена в некое подобие наркомата исследовательской науки, подчинявшегося Совету народных комиссаров СССР. Она получила административную власть над переданными ей научными учреждениями, но сохранила структуру и организационный облик добровольного научного общества. Со временем это противоречие, не изжитое и до дней сегодняшних, оказало весьма неоднозначное по своим результатам воздействие на судьбу всей советской науки.

В том же 1938 году в Отделении математических и естественных наук АН СССР появился профессиональный научно-координационный орган в лице Астрономического совета АН СССР, заменивший собой упраздненный Астрономический комитет РСФСР. Его руководителем стал А.А. Михайлов, избранный до того и председателем ВАГО.

Великая Отечественная Война и последовавшая за ней восстановительная эпоха

на время прервали ожидавшийся ход событий. Жизнь страны и, соответственно, ее науки, вполне нормализовалась только в начале 1950-х гг.

Знаменательным символом преодоления самого трагического периода нашей истории стал II Съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества, созванный зимою 1955 года в Ленинграде. Автор этих строк - тогда студент 2-го курса Московского университета - присутствовал на этом съезде. Надо признать, что это было выдающееся собрание, равного которому по представительности, пожалуй, не случилось в истории отечественной астрономии. В работе съезда участвовало, наверное, все старшее поколение советских астрономов, педагогов и популяризаторов нашей науки. Сейчас я с грустью думаю, сколько интереснейших людей прошло тогда перед моими глазами в Ленинградском доме ученых, значение которых, по молодости и малознанию, я не мог тогда оценить...

Наверное, нет необходимости в подробностях излагать последующую историю Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Она отражена в многочисленных публикациях ВАГО, отнюдь не ставших библиографической редкостью. Немало и здравствующих свидетелей и участников. Хотелось бы подвести только некоторые общие итоги.

Можно признать, что объединение астрономов и геодезистов в одном обществе оказалось весьма удачным с функциональной точки зрения. Хотя научные связи между этими, некогда близкими научными дисциплинами, со временем, казалось бы, ослабевали, именно геодезисты образовывали прочную организационную основу ВАГО. Их было значительно больше, чем астрономов, и предприятия Главного управления геодезии и картографии, почти без исключения входившие в ВАГО в качестве коллективных членов, никогда не отказывали в поддержке разнообразным начинаниям Общества. Они, в частности, обычно брали на себя местные организационные хлопоты, сопровождавшие созывы съездов и других собраний, проходивших под его эгидой. Геодезисты бывали активны и в периферийных отделениях ВАГО, бюджеты которых формировались в значительной степени за счет выполнявшихся ими хозяйственных работ. И, кажется, не было ни одного случая, когда бы геодезисты воспрепятствовали, в своих интересах, какому-нибудь начинанию астрономов.

Общество сумело в полной мере сохранить и развить благородную традицию поддержки любительской астрономии. Учебно-методическая работа, направленная на совершенствование преподавания и популяризации астрономии, и моральная организационная и финансовая поддержка собраний молодых любителей астрономии были постоянными и весомыми составляющими деятельности ВАГО. Оно сохраняло свой статус организации, объединяющей профессиональных астрономов и любителей. Со временем, однако, эти связи становились все более формальными вследствие общих эволюционных процессов, развивавшихся в советской науке послевоенного периода. В своем подавляющем большинстве астрономы первого советского поколения приходили в науку через молодежные астрономические кружки и впоследствии сохраняли доброжелательное отношение к этой форме общественной деятельности. Однако, начиная со второй половины 1950-х гг., численность научного сообщества СССР быстро возрастала. В астрономию пошел приток молодых специалистов, уже не имевших этого опыта. Бурное развитие астрофизики привело в корпорацию астрономов многочисленных специалистов-физиков, часто вообще не знавших о существовании традиции астрономического любительства. В результате, профессиональная астрономическая среда постепенно становилась все более замкнутой и даже снобистской по отношению к "каким-то там дилетантам и второсортным ученым".

Впрочем, вполне подобное отношение ко всему, что не входило в систему академических научно-исследовательских институтов, постепенно установилось и в Академии наук СССР. К концу 1970-х гг. Академия окончательно превратилась в

подобие квази-министерства фундаментальной науки, в принципе отвергавшее любые вмешательства в свою деятельность со стороны какой бы то ни было общественности и равнодушное к ее умонастроениям. Примерно три десятка научных обществ, которые, наравне с ВАГО, продолжали формально причисляться к академической системе, переставали пользоваться со стороны Академии систематическим вниманием и поддержкой. Напротив, бюрократия Президиума АН СССР стала предпринимать действия, будто бы специально направленные на окончательное удушение научных обществ. В начале 1980-х гг. прекратилась, в частности, их скромная финансовая поддержка со стороны Академии. Все это было отражением крупномасштабных структурных противоречий, постепенно накапливавшихся в советской науке и ныне усугубляющих ее кризисное состояние. Но, так или иначе, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество существовало и действовало.

С 1955 по 1990 г. ВАГО провело 9 съездов и несравненно большее число выездных расширенных заседаний своего Центрального совета, не считая тематических собраний, конференций и слетов любителей астрономии и астрономических экспедиций. За, без малого, 60 лет в Обществе трижды сменились руководители. С 1934 по 1960 гг. председателем Общества был академик А.А. Михайлов; его сменил профессор Д.Я. Мартынов, руководивший ВАГО до 1975 г. Последним был член-корреспондент АН СССР Ю.Д. Буланже, скончавшийся на посту президента ВАГО в 1997 году.

Общество выпускало "Бюллетень ВАГО" и "Циркуляр ВАГО", содействовало бесперебойному изданию "Астрономического календаря". Усилиями ВАГО были открыты новые периодические издания: научно-популярный журнал "Земля и Вселенная" и профессиональный "Астрономический вестник", формально тоже числившийся органом Общества. Систематически публиковались информационные и инструктивные материалы и пособия. Центральный совет ВАГО получил собственное помещение в центре города, в чем была немалая заслуга безвременно ушедшего историка и почетного члена ВАГО Валерия Константиновича Луцкого. В этом помещении была размещена обширная к тому времени библиотека ВАГО и находились рабочие места трех освобожденных сотрудников его центрального аппарата.

Последний регулярный, IX Съезд ВАГО состоялся с 23 по 28 сентября 1990 г. в Новосибирске с участием 250 делегатов. К тому времени в Обществе числилось 76 республиканских, областных и городских отделений с примерно 8 000 индивидуальных членов, 32 почетных члена и более 200 разнообразных учреждений-коллективных членов. Съезд повторно избрал Ю.Д. Буланже президентом ВАГО, при первом вице-президенте А.С. Земцеве, вице-президентах В.К. Абалакине, П.Н. Кузнецове, В.М. Можжерине, Г.С. Хромове и ученом секретаре Н.Н. Спасском. В состав Центрального совета было избрано 64 человека, 18 из которых составили рабочий Президиум ЦС.

После прекращения существования СССР, в декабре 1991 года в г. Симферополе был созван внеочередной, десятый по счету съезд ВАГО. Не производя перевыборов президента и руководящих органов, съезд преобразовал Всесоюзное астрономо-геодезическое общество во всероссийское Астрономо-геодезическое общество (АГО), предусмотрев возможность сохранения членства в нем граждан всех союзных республик, ранее входивших в состав СССР, и их объединений. Соответствующим образом был переработан устав Общества и, в согласии с действовавшим тогда законодательством, Астрономо-геодезическое общество было зарегистрировано Министерством юстиции Российской Федерации 5 марта 1992 г. под номером 758.

Сегодняшнему читателю не нужно рассказывать о разрушительных для нашей страны особенностях десятилетия 1990-х гг. Не удивит его и то, что за это время Астрономо-геодезическое общество практически лишилось большинства своих отделений, даже тех, что располагались на территории Российской Федерации. Одни

просто прекратили свою деятельность по разнообразным и часто драматическим причинам. Другие сосредоточились на поддержании собственного существования и прервали связи с центральными органами Общества. Президент АГО Юрий Дмитриевич Буланже скончался летом 1997 года. В 1998 году вышел в отставку ученый секретарь и почетный член Общества Николай Николаевич Спасский.

Тем не менее, Президиум Центрального совета АГО продолжал свою деятельность. Периодически проходили его заседания. Предпринимались усилия по поддержанию связей с отделениями, велась переписка с любителями астрономии, обращавшимися в Общество. Финансовой основой деятельности Президиума ЦС стали поступления от сдачи в аренду части помещений и от эпизодических работ, выполнявшихся его членами по заказам внешних организаций. Это позволило частично сохранить помещение Президиума и даже оказывать скромную материальную поддержку ветеранам и почетным членам Общества. Удалось обеспечить и бесперебойное издание "Астрономического календаря" - незаменимого пособия для любителей астрономии.

Руководство деятельностью Президиума АГО осуществляли в конце рассматриваемого периода времени вице-президент Г.С. Хромов, назначенный в феврале 1998 г. исполняющим обязанности Президента Общества, и вице-президент А.С. Земцев в должности Исполнительного вице-президента.

В 1995 году вышел новый Закон Российской Федерации "Об общественных организациях", требовавший перерегистрации всех ранее созданных добровольных общественных объединений. Кроме того, новый закон допускал всероссийский статус только для тех из них, которые имели свои отделения в более чем половине субъектов Федерации. Общества с меньшим числом отделений должны были перерегистрироваться в качестве межрегиональных. Для этого, в свою очередь, требовался созыв правомочного съезда - задача тогда нереальная для АГО прежде всего по финансовым соображениям.

Известно, что в аналогичном положении оказалось, наряду с АГО, множество разнообразных общественных организаций, возникших в России после 1991 года или ранее. Во всяком случае, Министерство юстиции "вспомнило" о законе 1995 года только весной 2001 г., обратившись в судебные органы с требованием закрыть Астрономо-геодезическое общество за нарушение законодательства. Пресненским районным судом г. Москвы на заседании 17 мая 2001 г. удовлетворил иск Министерства юстиции, постановив закрыть Общество и ликвидировать его в качестве юридического лица. Попытка опротестовать это решение не увенчалась успехом: Московский городской суд, позднее рассмотревший кассационную жалобу АГО, подтвердил решение суда низшей инстанции.

Таким образом, 18 сентября 2001 года первое в отечественной истории настоящего массовое добровольное общество астрономов и геодезистов вынужденно прекратило свое существование на 67-м году после возникновения. В дни, когда пишутся эти строки, стало понятным, что действия государственной власти против общественных объединений, подобных Астрономо-геодезическому обществу, были, по всей видимости, еще и частью заблаговременной "чистки" в преддверии "Гражданского форума", открывшегося в Москве 21 ноября 2001 г. Право же - прекрасный повод в который уже раз вспомнить провидческие слова Н.И. Пирогова, открывающие наше повествование!

Исход неожиданного "противостояния" Астрономо-геодезического общества и Министерства юстиции нетрудно было предвидеть. При обсуждении сложившейся ситуации в Президиуме ЦС АГО было признано необходимым сохранить организационную основу для будущего возрождения общественной деятельности отечественных астрономов и геодезистов в контакте с широкими кругами лиц,

интересующихся этими отраслями знания. С этой целью было решено основать, не дожидаясь закрытия АГО, новое общество с теми же уставными целями, но с межрегиональным статусом.

7 мая 2001 г. в помещении Президиума ЦС АГО состоялось собрание инициативной группы в составе О.Н. Бодуновой (Н. Новгород), З.А. Виноградовой (Санкт-Петербург), Ф.В. Горбунова (Москва), Е.В. Громова (Москва), Л.И. Ефимовой (Мурманск), Д.Н. Ефимова (Н. Новгород), А.С. Земцева (Москва), П.Н. Кузнецова (Москва), Э.В. Кононовича (Москва), В.С. Оробинского (Владимир), К.А. Порцевского (Москва), С.С. Смирнова (Санкт-Петербург), Г.С. Хромова (Москва) и В.М. Чаругина (Москва). Председателем собрания был избран Г.С. Хромов, а секретарем - А.С. Земцев. Выслушав и обсудив сообщение о ситуации, сложившейся вокруг Астрономо-геодезического общества, присутствовавшие постановили считать свое собрание учредительным съездом Межрегионального астрономо-геодезического общества и приняли его Устав.

Президентом нового общества был избран Гавриил Сергеевич Хромов, вице-президентом Александр Семенович Земцев и председателем Центральной ревизионной комиссии - Павел Никитич Кузнецов. Съезд поручил новому руководству обеспечить в кратчайшие сроки официальную регистрацию Устава Общества для приобретения им статуса юридического лица. В числе первоочередных задач были названы также формирование областных отделений и организация выпуска "Астрономического календаря" на 2002 год.

В порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации об общественных организациях от 1995 г., Устав нового общества был зарегистрирован Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве 13 июля 2001 г. за номером 14449. В ходе регистрации пришлось согласиться с навязанным нам изменением названия Общества. Теперь его полное официальное наименование читается как "Межрегиональная общественная организация "Астрономо-геодезическое объединение"". Претерпел некоторые изменения и первоначальный проект Устава, подогнанный юристами под привычную им типовую форму. (Его окончательный, утвержденный вариант опубликован на с. 208-217.) Нетрудно убедиться, что он достаточно точно воспроизводит все принципиальные положения устава Всесоюзного астрономо-геодезического общества, выдержавшего испытание длительной историей.

"Межрегиональное астрономо-геодезическое объединение" (МАГО) - как мы рекомендуем для краткости именовать наше Общество в рабочих документах - считает себя преемником Всесоюзного и всероссийского астрономо-геодезических обществ. Прежним остается и адрес его постоянно действующего органа - Президиума Центрального совета: 103001, г. Москва, К-1, ул. Садовая-Кудринская, д. 24/27; телефон 291-58-96.

* * *

Похоже, что последнее десятилетие, так много и так радикально изменившее в жизни нашей страны, возвратило научные общества к состоянию начала 20-го столетия. Может быть, даже к середине столетия девятнадцатого, когда небольшие группки энтузиастов пытались заинтересовать высокой наукой обывателей, подавленных заботами о хлебе насущном.

Впрочем, в теперешнем положении можно усмотреть и нечто новое и небесполезное. В последние годы существования СССР уж очень много приходилось решать и устраивать "в центре". Теперь же общественная активность переходит в нашу необъятную периферию, "на места". Научное общество, подобное МАГО, способно объединять, подсказывать и помогать, но не подменять местные инициативы деятельностью своих центральных органов. Собственно говоря, так и должны работать

добровольные общества, сила которых заключается именно в согласованных действиях единомышленников, живущих здесь и там "по городам и весям".

Заключительные строки этой статьи хотелось бы адресовать нашим коллегам - профессиональным астрономам, без заинтересованного участия которых, конечно же, невозможно существование полноценного астрономического общества. Кастовая замкнутость на собственных профессиональных интересах не только противоречит гражданской этике. Она еще и непрактична. Эпоха "наибольшего благопри­ятствования" науке ушла в прошлое вместе с Союзом Советских Социалистических Республик. В обозримом будущем астрономам придется постоянно отстаивать перед обществом и государством свое право заниматься собственной, на взгляд - слишком абстрактной наукой. И вот в этом непривычном деле нашими лучшими союзниками будут просветители - учителя и популяризаторы астрономии, как и люди, бескорыстно интересующиеся нашей прекрасной наукой - любители астрономии. Нам будет трудно без этой поддержки...

Литература

Луцкий В.К. *"История астрономических общественных организаций в СССР"*; М., "Наука", 1982, 262 с.

Соболева Е.В. *"Организация науки в пореформенной России"*; Ленинград, "Наука", Л. отд., 1983, 261 с.

Хромов Г.С. *"Вспоминая давно ушедшее"*; *Астрономический календарь*, 1997, с.284-292.